

ТЕНЬ

ИНЖЕНЕРНОГО ЗАМКА

ИЛОНА ВИЛЕНСКАЯ

ЦИКЛ «АГЕНТСТВО ИРЭНЫ ШИМАНСКОЙ»

Илона Виленская
Тень Инженерного замка
Серия «Агентство Ирэны
Шиманской», книга 2

*<https://litres.ru/72281716>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Дорогие читатели!

Приглашаю вас в водоворот жизни Ирэны Шиманской — пышной, рыжеволосой феи ивент-индустрии из Питера.

Эта книга — первая из цикла "Агентство Ирэны Шиманской" и мой искренний реверанс всем, кто, балансирует между семейным счастьем, любимой работой и вечным вопросом «А вдруг я недостаточно...?»

Здесь вас ждёт ирония, попытки заняться пилатесом, танцы с бубном перед Павлом I и борьба с внутренним голосом, твердящим про собственное несовершенство. А еще будет любовь — спокойная и преданная, какой и должна быть настоящая любовь.

Добро пожаловать в мой бардак!

P.S. И, конечно, я благодарю свою семью: мужа Сергея, за то, что не сдавался и годами подталкивал меня начать писать, дочь Аниту, за то, что она просто есть и за ней невероятно интересно

наблюдать. И разумеется наш домашний зоопарк за неиссякаемый источник позитива.

Тень Инженерного замка

ТЕНЬ ИНЖЕНЕРНОГО ЗАМКА

ГЛАВА 1

Под утро приснился кошмар — чёрт, самый что ни есть настоящий, чернуший, с когтями и горящими глазами, вытягивал из груди сердце.

— Господи, Иисусе Христе, сыне Божие, прости меня, грешную, — вскинулась в кровати Ирэна.

— Любимая, ты рехнулась? Почему сегодня? — поинтересовался Стас, лениво открыв один глаз.

Муж не теряет присутствие духа даже спросонья — это его суперсила.

Страхнув с себя сонную одурь, Ирэна сообразила, что это Уголёк уселся ей на грудь.

И чем не чёрт? Шутка ли, тринадцать килограммов чистой кровной мейн-кунской наглости, в сочетании с чёрным мехом и горящими глазищами, взгромоздились на хозяйкину грудь в поисках утреннего пропитания.

— Вот скажи, Уголино, тебе не стыдно? Ведь царская жо... морда в дверь не проходит, а ты до будильника подождать не можешь?!

Уголёк уже царственно возлежал у своей тарелки, и ника-

ких признаков раскаяния не проявлял.

— Эй, ягоды, а вы где? Что затаились?

Ирэна свистнула к завтраку близняшек-хаски: Ежевику и Чернику. Этих двоих не поймёшь, то поднимают голодный вой в три часа ночи, то лениво валяются до обеда на своей необъятной лежанке. Сегодня у них, по-видимому, валяльный день.

Так, с бандой разобралась. Теперь кофе для себя и для мужа — Ирэнин, с отдушкой «ирландские сливки» в серой банке с фиолетовой полоской, и Стасов, без ничего, в фиолетовой с серой. Главное, нэ пэрэпутай!

Покончив с суетой, она устроилась на диване, с огромной чашкой огнедышащего кофе, в любимом утреннем халате с вышивкой на груди «Не буди лихо», и только нацелилась залипнуть в ленту Дзен, как телефон предательски заорал в руках дурным попугайским голосом: «Карамба! Спасайся кто может!»

Ну, конечно, любимая мамочка звонит с утра пораньше. А когда ещё можно качественнее испортить дочери настроение на весь день, как не в первые минуты пробуждения?

— Видела твой вчерашний ролик, — проскрипел телефон недовольным голосом Галины Матвеевны. — И что ты

на себя опять нацепила? В твоём-то возрасте и с твоим весом? Показала своим девочкам, так они все сказали: «Что это Ирина твоя стала такая толстая?»

Ирэна закатила глаза. Матушка, как всегда, на позитиве.

— Я Ирэна! И тебе доброе утро, мам! У меня есть буквально пять минут, — соврала она, поймав в зеркале своё отражение — кудри-пружинки, щёки как у херувима. — Во-первых, не такая уж я толстая, всего килограммов десять. Во-вторых, это было платье в концепции Венецианского карнавала — я же встречаю гостей на велкоме и всегда подбираю костюм в тематике. В-третьих, много твои девочки понимают в современных модных тенденциях, в семьдесят-то лет?

Она постаралась отбить подачу негатива сразу, как учил психолог, не откладывая на потом, чтобы не жевать весь день обиду.

— Вечно ты придумываешь всякую ерунду! Ну ладно, хотела с тобой о деле поговорить, но, видимо, придётся отложить. Подумай о своём поведении.

Ирэна прямо увидела, как матушка поджимает губки и приподнимает брови. Помотала головой и подышала квадратом четыре на четыре, чтобы отогнать чувство вины, и взглянула на часы.

— Блин, позалипала в Дзен. Пора Алёнку будить. Эй, ягодный пирог, пошли вашу подружку поднимать, я одна не

справлюсь.

Будить дочь — дело ответственное, требующее терпения и самоотречения. Этот ребёнок умудрялся крепко спать ещё в Ирэнины лихие студенческие годы, когда в крохотную квартиру набивался весь курс, резаться в настолки. Маленькую Алёнку никоим образом не смущала компания студентов, слоняющихся по квартире, то попить на кухню, то покурить на балкон. С годами она довела это умение до совершенства — никакие «вставай, подъём, опоздаешь в школу» здесь не работают.

Ощущая себя рыцарем перед боем, Ирэна решительно запахнула халат и подошла к комнате дочери. Оттуда явственно слышался звук тяжёлого рока и запах лавандового скраба — верные признаки подростковой комы. Она приоткрыла дверь и остановилась на мгновение, готовясь к сражению.

На кровати клубилось нечто, напоминающее гигантского синего ежа. Собаки радостно запрыгнули на кровать и начали тянуть ком в разные стороны. Строго говоря, в кровати им делать нечего, но Ирэна малодушно промолчала, понимая, что это безобразие работает на неё.

— Вставай, солнышко! — фальшиво затянула она. — Твой Евгений уже написал мне, что не может до тебя дозвониться и будет ждать у метро с рюкзаком и, гм... стихами. Боюсь спросить, какими стихами: Бродский, Мандельштам?

Ёж завозился и хрипло ответил: — Нет, он переводит Моргенштерна на латынь. И вообще — я не солнышко, я чёрная дыра. Отстань! Оставь меня умирать в покое.

Вздыхнув, Ирэна перешла с самой нелюбимой части — тормозить деточку и стягивать одеяло. Дочь сопротивлялась, пинаясь и ругалась нехорошими словами.

— Чёрные дыры поглощают звёзды, а ты поглотитшь блины. Стас печёт, м-м-м, с корицей и кленовым сиропом.

Одеяло дрогнуло, появилась рука с синим маникюром, затем — взъерошенная макушка.

Ирэна запнулась, лихорадочно придумывая, как закрепить достигнутый результат.

— Стас обещал тебя, э-э-э... завезти за новым набором для вязки. За спицами... из бамбука.

Всё, вроде села в кровати. Осталось приманить запахом блинчиков на кухню. Сейчас ещё немного поворчит и начнёт функционировать.

— Ты издеваешься, мам? Бамбук — для чайников. Мне нужен титановый сплав с гравировкой и...

— И бриллиантами в рукоятках, знаю. — Ирэна поймала дочь в пахнувшие кофе объятия. — Но сначала завтрак, иначе Уголёк съест твой низкокалорийный йогурт. Опять!

На кухне Ежевика притворялась статуей «собака, умирающая от голода» с предобморочным выражением глаз, а Черника методично слизывала капли теста с ламината.

Стас, в смешном фартуке, ловко подбрасывал блин на сковороде.

— Смотри, Ириска, — кивнул он на дымящуюся стопку. — Безглютеновые, безлактозные, безнадёжные. Как вчерашний заказ в Телеге.

— Это который? Тот, что хотел устроить корпоратив в тематике «Похороны капитализма»?

— Да нет! Я про тех, которые просили устроить вечеринку на пляже Петропавловской крепости на четыреста гостей, с бюджетом в триста тысяч... через два дня...

Ирэна фыркнула прямо в чашку, щедро оросив халат. О руководстве Петропавловской крепости организаторы слагают легенды — те, в принципе, очень туго идут на любые мероприятия на их территории, и даже если соглашаются, то стоит это космических денег. Мало кто может себе позволить. Что касается скорости согласований, то процесс затягивается на недели и месяцы и не помогают никакие связи.

— Ну конечно, — проворчала она. — Как обычно, хотят замок Нойшванштайн за цену хостела. С феями и единорогом в придачу...

Телефон брякнул очередным сообщением — на этот раз Лиза-координатор сообщала, что сегодня предстоит бой с цветочниками. Что-то они опять напутали и закупили не то.

— Стас, ты когда-нибудь задумывался, что блины — это метафора тщетности бытия? Круглые, пустые...

— Только если они без начинки, — невозмутимо возразил Стас, подсовывая тарелку дочери. — На, ребёнок, ешь, а то мама и в корице найдёт философский подтекст.

* * *

Семья получила необходимое количество калорий, собаки были выгуляны, а хмурая дочь придирчиво осмотрена на предмет приличности наряда и выдана Стасу, с наказом подбросить до метро. И вообще, до вечера это только его дочь — Ирэне некогда.

Строго говоря, дочь вовсе не его: Ирэна родила в первом глупом браке, на втором курсе. Но Алёнка со Стасом так спелись, что об этом уже никто и не помнил. Да и, мистическим образом, девочка похожа на отчима — тоже тёмненькая, ноги длинные, высокая, не то что маленькая пухлая Ирэна.

Расцеловав домашних, Ирэна захлопнула входную дверь, повернулась на пятках и упёрлась взглядом в дверь холодильника — там, прижатые магнитом I love SPb, висели записки: собственным почерком «Не забыть — у отеля «Гранд-Мираж» сегодня дедлайн по предоплате», и «Уголёк

снова отправил кому-то сообщение с ноутбука. Люблю. С.» — это от мужа.

— Работать надо, генацвале, трудиться должна девица, — вздохнула, включая ноутбук.

Экран ожил, выплеснув ворох писем. Самое верхнее от отеля «Гранд-Мираж»: «Уважаемая Ирэна Вацловна! С учётом отсутствия гарантийных обязательств...» — дальше шли три страницы юридического сленга, сводившегося к заключению «Нет денег — нет брони».

Заказчик хотел забронировать отель на триста гостей, а вносить предоплату не стремился. По задумке, гости должны были сами оплачивать свои номера по мере прибытия. Отелю такое положение дел не нравилось, впрочем, ничего не удивительного — чтобы вывести из продажи весь номерной фонд без предоплаты, должен быть очень высокий уровень доверия. А ну как мероприятие отменится? Всё бывает.

Из раздумий Ирэну вырвал звонок. Посмотрев на экран, она испытала смешанные чувства: звонил самый старый и самый любимый заказчик. Любимый-то он, любимый, но все его проекты всегда были связаны с катастрофами и катаклизмами. В глубине души Ирэна подозревала, что это связано с его хобби: Вениамин Бориславович коллекционировал привидений. Да-да, именно так, привидений. Всё свободное вре-

мя он посвящал поискам информации, книг, древних манускриптов, артефактов, слухов и легенд об этом загадочном явлении.

По большому счёту, увлекается человек и хорошо, довольно безобидное, на первый взгляд, занятие. Но факты убеждали в обратном: больше половины историй про форсмажор на мероприятиях связаны были, в практике Ирэны, именно с заказами ВБ. Да и человек он не простой — взрывной, эмоциональный, любит покричать. Хотя дядька хороший, такой, по-человечески хороший. Ирэна знала, что, если она будет падать, Вениамин обматерит, но руку помощи протянет.

— Ирэнка, лебедь моя! — зарокотал в трубке густой баритон. — Ты помнишь нашу договорённость насчёт аукциона?

— Вениамин Бориславович, — осторожно начала она, — вы же говорили, через год и обещали прислать техзадание.

— Техзадание? — расхохотался баритон. — Да ты шутишь! Мы же с тобой художники! Вот слушай: мне на сдачу достался Михайловский замок, тот, что Инженерный.

Ирэна закатила глаза — достался на сдачу, вы подумайте!

Любимый фокус Вениамина Бориславовича — у его компании, к слову сказать, очень немаленькой, периодически появлялись должники, и ВБ выжимал из них долг до донышка и ещё немного сверху. Это и называется: «на сдачу». Но Инженерный замок — это уже перебор!

— Мы можем провести там одно мероприятие в любой день. Я всё придумал, надо сделать аукцион и приманить туда привидений, их там много. Ты это, подумай, как и что.

За окном внезапно взвыла сирена, собаки заскулили, Уголёк метнулся на шкаф — Ирэна поймала себя на мысли, что мысленно уже составляет смету на противопожарные системы и экзорцистов.

— Вениамин Бориславович, — перебила она своим самым сладким тоном. — Вы, случайно, не хотите устроить вечеринку в действующем вулкане? С живой лавой вместо фуршета?

На другом конце провода наступила тишина, следом раздался раскатистый хохот:

— Вот поэтому я тебя и люблю, Ирэнка! Ты единственная, кто меня не боится.

— Ой, можно подумать, вы такой страшный — прямо как настоящий, — развеселилась Ирэна.

Вениамин и правда грозен, сотрудники боятся его до одури. Но Ирэна прошла школу жизни у своих родителей, такой ерундой, как крики и брань, не проймёшь.

— Ты это, базар-то фильтруй! — Вениамин, как обычно, скор на расправу. — Думай, пиши сценарий. Справишься, с

меня премия, а не справишься — там и останешься. Я Инженерный замок хорошо знаю, там есть такие закутки... Не шучу! Я пари заключил на большую сумму, что привидения будут. Подведёшь — больше со мной работать не будешь, да и вообще не будешь. Всё поняла?

Ирэна схватилась за шкатулку с надписью: «Чип и Дейл спешат на помощь» — там Стас прятал шоколадки «на случай войны». На внутренней поверхности крышки красовался стикер: «Ты справишься. С любовью, С.»

— Значит, Инженерный замок... — задумчиво протянула она, отправляя в рот первый кусочек.

ГЛАВА 2

Каблук привычно застрял в решётке перед входом в бизнес-центр — Ирэна чертыхнулась и вынырнула в реальность. За раздумьями она и не заметила, как добралась до офиса.

Команда в сборе: Марк утонул в кресле, водрузив ноутбук практически себе на нос, Лиза с надутым видом проверяет чек-лист, Соня о чём-то мечтает, тихонько улыбаясь своим мыслям. Вот счастливый человек, всегда в хорошем настроении.

Артура нет, да и ладно, он у нас птица вольная и вне мероприятия практически непригоден, офисная жизнь не для него, другое дело — сцена.

— Коллеги, всем привет! У нас гроза-война, час назад звонил Вениамин Бориславович.

— Ирэна, только не говори, что у нас опять от него заказ, мне всего месяц, как сняли гипс после прошлого юбилея. Нога до сих пор побаливает, — раздалось мрачное бурчание из-под ноутбука.

— А ты, Марк, всегда и всем недоволен, только я что-то не припомню, чтобы ты отказывался от гонораров.

Лиза сегодня в боевом настроении.

— Ребята, ну, пожалуйста, не ссорьтесь. Что там, Ирэна? Сонечка наш главный миротворец. Сама в конфликты вступать не любит и нам не даёт.

— Там аукцион на пятьсот человек в Михайловском замке. Дата пока открыта.

— Ничего себе, — Марк, кряхтя, вывинтился из кресла. — Вот это, я понимаю, размах у человека! Ирэн, а что лицо такое кислое? Я чую, это не вся правда, давай, жги!

Марк обвился вокруг трубы барной стойки. При росте выше двух метров этот интроверт-параноик имеет сорок восьмой размер одежды, предпочитает чёрный цвет и облегающие бадлоны. Ноги и руки живут абсолютно независимой жизнью — этакая помесь змеи с ветряной мельницей. Прибавьте роскошную тёмную гриву, острый нос, умные карие глаза, замогильный голос, и портрет гениального инжене-

ра-дизайнера готов.

— Ты всегда чувствуешь какую-нибудь гадость, может, тебе нос поправить? Я могу!

Лиза может, да. Она сказочный персонаж — ивентер и разведчик. Это не метафора, а чистая правда — Лиза из семьи потомственных военных, братьев у неё нет, вот и пришлось хорошенькой блондинке закончить с отличием разведшколу. Параллельно она занималась самбо и дошла до состава сборной России. После этого принесла своему суровому отцу мешок с кубками, медалями и дипломом, выгрузила на стол и заявила: — Пап, ты воспитал во мне олимпийский характер, вот теперь этим характером я и буду тебя иметь! — после чего по-военному развернулась и гордо удалилась в собственную жизнь.

С Марком у Лизы очень горячие отношения — они не переваривают друг друга. Не пе-ре-ва-ри-ва-ют и три восклицательных знака. Видно, уже поцапались, вот она и ворчит. Вообще, она девка хорошая — хваткая, бойкая, сильная. Не так давно драку поваров разняла на банкете, никто даже не понял, как — вклинилась в клубок из воплей, рук и ног, повела плечом, и вот оба драчуна уже лежат по углам, пытаясь отдышаться, а у Лизаветы даже причёска не растрепалась.

— Лиз, не бушуй! Как это ни прискорбно, но Марк прав,

это не всё. Вениамин хочет, чтобы мы подманили привидений. Это пока всё, что я знаю, но к глубокому изучению вопроса, как вы понимаете, приступить ещё не успела.

— Я так понимаю, что присутствие на аукционе Патриарха автоматически отменяется? — fyrкнула Соня.

— И то хлеб, — отозвалась Ирэна. — В прошлый раз он отказался благословлять торжественное открытие завода из-за шоу с огнедышащими факирами. Сказал, бесовщина. Теперь у нас и вовсе «настоящая» бесовщина... Так, ребята, раскидываю задачи. Марк! Ты изучаешь Бальный зал в Инженерном замке, запрашиваешь обременения. Узнай, можно ли там громко дышать? Помнишь особняк Платона Зубова? Когда нам запретили каблуки и топать? Пятьсот гостей босиком — новый уровень аскетизма.

— Без каблуков? — ахнула Лиза. — А мои туфли с кристаллами Сваровски?!

— Придётся приклеить стразы к босым ногам. Я могу! — мстительно парировал Марк. — Или объявим дресс-код «нищенствующий аристократ».

— Лиза, на тебе все виды шоу. Посмотри наши списки, подумай. И проверь батарейки в свечах, наверняка пора менять. Знаешь, что, пожалуй, закажи партию ещё на пару тысяч штук. Узнай, в каком виде администрация замка может пропустить огонь, возможно, хоть запаянные биоками-

ны разрешат... Дальше — противопожарная безопасность, изучи вопрос, точно понадобится.

Сонечка! Тема не твоя, но больше некому — выясни, кто у нас в Питере, поприличнее, вызывает духов. Чтобы это было всё-таки шоу, а не диагноз. И симфонический оркестр, как обычно, на тебе. Ты одна у нас понимаешь, что они говорят. Я тебя умоляю — не увлекайся!

А я помчу к цветочникам, текущие заказы никто не отменял. Лиза, что они там накосячили?

День вошёл в свой привычно-безумный ритм. Ирэна командовала, летала от одного подрядчика к другому, строила, ругала, хвалила, доказывала. Как-то незаметно подкрался вечер, и она уже почти сворачивала с Большевиков на Коллонтай, к дому, как из сумочки раздалась «Карамба!»

Ирэна вздрогнула, едва не въехав в троллейбус.

— Да, мам?

— Не посчитала нужным перезвонить? Узнаю свою неблагодарную дочь.

По спине пробежали мурашки. Старая манипуляция, а работает!

— Да я на работе...

— Уж не знаю, что ты называешь работой. Мы с папой завтра приезжаем. Так что постарайся, отставь свои танцульки и изволь нас встретить на вокзале. На приличной машине!

— К-как приезжаете? Куда?!

— Разумеется, на твой день рождения. Тебе, дорогая, тридцать пять лет — возраст, когда пора одуматься. Серьёзный разговор необходим. Комнату подготовь и не как в прошлый раз — с застиранным бельём.

Ирэна мысленно взывала: «Ибтую мэме*! А предупредить? А спросить? Хотя о чём я, когда их это интересовало?! Стас-то с Алёнкой, как обрадуются!»

К прошлому визиту родителей семья готовилась как к Новому году. Было перестирано и вымыто всё, что, в принципе, возможно. Алёнку переместили на экстренно утеплённую лоджию, освободив комнату. Обои переклеили, купили, под это дело новый диван и дорогое постельное бельё. Не помогло...

* * *

Стас застыл в проёме входной двери в состоянии немого отчаяния, сумка соскользнула с плеча, ударилась о пол и жалобно звякнула: то ли Алёниными спицами, то ли Ирэниным смузи.

— Ох!

По всему коридору, до кухни, расстилалась картина Куликовской битвы: страницы учебников, вырванные с корнем, мелко покрошенный ботинок Стаса, опрокинутый фикус со

стеблем, заломленным в жесте декаданствующего поэта-самоубийцы.

Дальше начиналась кухня, и заглянуть за приоткрытую дверь Стасу было страшно. Близняшки где-то затихарились, а Уголёк полноводной рекой разлился на полке для сумок, всем видом показывая царственное негодование.

Шумно выдохнув и почему-то втянув живот, Стас на цыпочках прокрался к двери и резко, как в ледяную воду, сунул голову на кухню.

Предчувствия его не обманули.

— Ладно, открытый и потёкший холодильник — чёрт с ним, вывороченная полка и рассыпанные живописной мозаикой крупы — тоже переживём, но что вам сделал линолеум и обои? Это же катастрофа! У Ирэнки день рождения через семь дней. Что делать-то?

Набрав побольше воздуха в лёгкие, Стас собрался чинить расправу над хаски, как в дверь виновато поскреблись.

— Ста-а-ас, у меня тут...

— Ирэна, у нас тут...

Ирэна обогнула Стаса и оглядела поле битвы, уселась на пол, прямо в крупяную мозаику и горько, по-детски, разрыдалась.

Две виноватые собачьи морды тут же материализовались невесь откуда, бестолково боднулись лбами и кинулись за-

лизывать Ирэнино отчаянье, и даже Уголёк, до этого момента гениально исполнявший роль «ни в чём не повинного», понял — сегодня перебор.

*Ибтую мэме — ругательство страмослябов из романа Макса Фрая «Гнёзда Химер». Ирэна ценитель творчества этого автора.

ГЛАВА 3

Алёнка сладко потянулась под одеялом и совсем уж было собралась провалиться обратно в сон, как вдруг сообразила, что сегодня ни разу не суббота.

— Чё за дела? Почему меня не разбудили?! — возмущённо завопила она.

Квартира ответила ей тишиной.

— Куда все делись? — зашлёпала по полу босыми ногами, волоча за собой одеяло.

На кухне собаки сторожили пустые миски, и крайне недовольный Уголь Ирэнович выражал своё негодование басовитым мявом. По коридору разлилась подозрительная лужа.

— Вы чё, даже с собаками не погуляли?! Совсем, что ли? Да где вы?!

Алёнка вломила в спальню родителей — Стас храпел,

почти незаметный под разметавшейся по подушкам буйной рыжей гривой. Жена подсапывала ему на бэк-вокале.

Вчера они до трёх часов ночи устраняли последствия катастрофы, учинённой стаей.

Результат... ну, не то чтобы очень впечатлял, но и ужаса уже не внушал. Правда, обои и линолеум по-прежнему представляли собой проблему. Ночью на Ирэну напал маниакальный перфекционизм, и она аккуратно обрезала оборванные края, превратив дыры на стенах и на полу в квадраты. Стас даже не сопротивлялся, по опыту зная, что стремление жены к совершенству не победить.

— Ленке понравится, — только и сказал он, имея в виду лучшую подругу Ирэны. — Похоже на её мастерскую в стиле кубизма. Давай сделаем селфи и пошлём для вдохновения.

— Угу, — угрюмо хрюкнула Ирэна. — А давай ты завтра поржёшь, когда мои приедут и всё это прокомментируют. Особенно мама.

* * *

— Проспали! Ой, мамочки, проспали!

— Жена, отставить панику! Звони Лизе, она всё разрулит. Алло, Макс, привет! У меня... обстоятельства. Собаки квартиру разнесли с особым цинизмом, а сегодня тесть с тещей приезжают. Мы с Ирэнкой до утра разгребали. В общем, мы проспали. Прикрой меня! Нет, не знаю, когда буду и буду ли.

Ирэна унеслась в ванну, одновременно разговаривая по телефону с Лизой и чистя зубы. Алёна, прыгая то на одной, то на другой ноге поочерёдно, влезла в джинсы и экстренно потащила собак на улицу.

— Кофе! Только чашка горячего кофе спасёт отца русской демократии, — простонала Ирэна, на ходу докрашивая глаз.

— Минутка терпения, бездна понимания, сейчас всё будет. — Стас воздвиг перед женой литровую, исходящую ароматным паром кружку и тарелку с горой сырников.

— Мам, я лапы протёрла. Подайте ребёнку хоть корочку хлеба!

— Держи, ребёнок, не возмущайся. Никто про тебя не забыл.

— Кто про меня забудет, тот дня не проживёт! Мам, бабушка пишет, что не может до тебя дозвониться. Я ответила, что ты завтракаешь и сейчас перезвонишь.

— А она что?

— Спросила, чем завтракаешь, и написала, что от сырников ты толстеешь.

— Конечно, именно от них!

— Ха, я ей ответила, что ты толстеешь не от сырников, а от её советов. Она прочитала и молчит.

Стас рассмеялся: — Молодец! Наше самое острое ору-

жие!

— Оружие, которое сегодня опять опоздало в школу, — спохватившись, запричитала Ирэна.

Вот что она за мать такая? Ребёнок проспал и не торопится поглощать разумное, доброе, вечное, а она сидит и хихикает. Нацепив на себя специальное «педагогическое» лицо, Ирэна отняла у Алёнки сырник и развернула в сторону прихожей.

— Давай, давай, топай в школу, не отлынивай.

* * *

Второй глаз пришлось красить в дороге, на светофорах. Машину помыть, конечно же, не успела. Зато на вокзал прилетела за десять минут до прихода поезда. Воткнулась в узкое свободное пространство на парковке и помчалась на перрон, размахивая кудрями.

Родителей Ирэна увидела издалека — отчим как раз выходил из вагона в возмутительно роскошном и таком же безвкусном спортивном велюровом костюме с золотым логотипом известного бренда во всю грудь. Следом Галина Матвеевна, одетая в стиле «провинциальный шик» — капри и боножки в стразах крупного помола, блузка в рюшах и всё золото партии на руках, в ушах и на шее.

«Ножки у неё, конечно, что надо», — подумала Ирэна.

Галина Матвеевна считала себя непревзойдённой красавицей, и, надо сказать, совершенно справедливо считала. Даже сейчас, на пороге семидесятилетия, она сохраняла точёную фигурку, высокую грудь и стройные ноги. Картину портило только брюзгливое выражение лица. Впрочем, оно возникало только в тех случаях, когда Галина Матвеевна смотрела на дочь. При взгляде на мужа лицо становилось приветливым и немного заискивающим.

— Здравствуй, дорогая! — пропела Галина Матвеевна, клюнув дочь в пухлую щёку, и тут же отстранилась, разглядывая её. — Насколько я вижу, ты не воспользовалась моим добрым советом отрегулировать питание. Сколько ты набрала, килограммов шесть-семь?

— Здравствуй, мам, здравствуйте, Альберт Егорович! Как добрались?

— Благодарю, сносно. — Если отчим и бывает чем-то доволен, то Ирэне такое чудо видеть не доводилось. — Почему ты одна? Где Стас?

— Да мы подумали, зачем нам вместе ехать? Вот же, я вас прекрасно встретила. А Стас дома, готовит праздничный обед.

— Я не устаю удивляться этим новым порядкам: мужик готовит, а безголовая баба за рулём. — Альберт в своём репертуаре. Ирэна с детства слышала: «Курица не птица, Польша не заграница, баба не человек».

«Так, я дышу и считаю людей в синих футболках, я их считаю и не зацкливаюсь на том, что он говорит. Пусть говорит что хочет, меня это не касается».

— Ирина, Ири-на!

— А, что, мам?!

— Где машина? Ты не могла припарковаться поближе. Всё-таки у нас возраст. Надо же иметь уважение.

«Ага, пенсионерка здесь у нас, на одиннадцатисантиметровых каблуках».

— Где поближе, мам? На перроне? Сейчас придём, здесь близко.

Ирэна тяжело топала через зал Московского вокзала, волоча за собой чемодан родителей величиной с дом. Следом важно шествовал отчим в своём велюре и мокасинах из крокодиловой кожи, рядом резво семенила Галина Матвеевна.

— Что это? — матушка невежливо ткнула пальцем в сторону машины. — Ты хочешь, чтобы мы сели в это, этот... «Запорожец»?

— Это не «Запорожец», мам!

Свою новую «Джилли» Ирэна нежно любила. Белая Жульечка была для неё практически домом — в день за рулём получалось часа по четыре, а когда и больше.

— Я в это не сяду, — начала разгонять истерику Галина

Матвеевна.

— Ок, — огрызнулась Ирэна, — не хочешь, не надо. Вызывайте такси, какое хотите: хоть комфорт, хоть бизнес. А я поехала, встретимся дома.

Альберт Егорович презрительно пожевал губами и водрузил своё тело на заднее сиденье. Не найдя у мужа поддержки, Галина Матвеевна поперхнулась, легко облетела машину и элегантно приземлилась рядом.

* * *

Стас давно понял, что угодить теще с тестем невозможно. Нет у них такой задачи — быть довольными. Наоборот, нервная реакция Ирэны их забавляла, и они развлекались, подливая масла в огонь. Впрочем, Стас знал, что критическая оценка исходит от Альбера Егоровича, а теща только глашатай его воли. В первые годы брака он много размышлял над тем, так ли глупа мать жены, как хочет показаться, или, наоборот, умна настолько, чтобы транслировать умозаключения своего мужа, осознанно, не допуская их до собственного разума. Редкие слова, которые цедил сквозь зубы Альбер Егорович, как правило, носили либо критический, либо оскорбительный характер, если бы Галина Матвеевна задумалась над тем, что он говорит, их браку быстро пришёл бы конец, а это в её планы, разумеется, не входило. Что-что, а обеспечивать семью Альберт всегда умел.

Стасу всё это было странно — в его семье всё устроено по-другому. Он родился в крохотном городке на Урале. Да и городом-то его считали только местные жители, все остальные понимали, что несколько девятиэтажных домов дела не меняют и посёлок так и остался посёлком.

Семья всегда жила скромно, но как-то так получалось, что в маленькой квартире для каждого нашёлся свой уютный уголок, в доме было светло, тепло и пахло пирогами. В гости, как мотыльки на огонь, слетались друзья, соседи, одноклассники, было шумно и весело. У матери, каким-то образом, всегда находилось время «на поговорить» с двумя сыновьями, а отец вечно тащил их то во двор, то в гараж. Мальчишки и сами не заметили, как научились всей мужской работе.

В тринадцать лет Стас встал с матерью на кухне и начал учиться готовить, потихоньку набираясь умения и опыта. Отец цыкнул на Олега, старшего брата, когда тот попытался посмеяться над мелким.

— Пусть учится, все великие повара — мужчины. Чем наш хуже?

Стас готовил всё увлечённое и увлечённое, разыскивал новые или забытые рецепты, соединял продукты — уже не в качестве эксперимента, а со знанием дела. На семейные праздники готовил теперь только он.

Дошло до того, что его даже однажды пригласили в кули-

нарную передачу на местное региональное телевидение.

Отец побряхтел, почесал в затылке и договорился шабашить с сыновьями на постройке нового административного корпуса. Почти год они в свободное от учёбы время таскали кирпич, мешали раствор, ползали по стенам с мастерками. Стас жутко уставал, злился, но втайне грезил, что вот закончат они, получат деньги, и он накупит кулинарных книг, которые сейчас ему не по карману.

Всё произошло даже лучше, чем он грезил в самых волшебных снах.

Окончание строительства совпало с выпускным. Олег собирался в армию, и родители решили устроить мальчишкам двойной праздник: окончание школы — младшему и проводы — старшему.

Вот здесь-то отец и поразил воображение Стаса — выложил на стол буклет Санкт-Петербургского института управления и пищевых технологий, билеты на поезд и пачку денег — весь их общий заработок.

— Давай, сын, поезжай! Не посрами семью Лещёвых. И знай, денег больше не дадим, но за добрым словом или там советом всегда можешь обратиться.

Растерянный Стас посмотрел на брата. Он знал, что Олег мечтает о крутом велосипеде.

— Да ладно тебе, мелкий, в ближайший год велик мне

точно не понадобится, а там видно будет. У тебя талант. Ехай, не сомневайся!

В груди становилось тепло и немного щемило сердце, когда Стас думал о родителях, о брате и его семье — там уже подрастало двое племяншей. Хорошие они у него.

* * *

— Здравствуй, Стасик, здравствуй, мой дорогой, — просюсюкала тёща елейным голоском. Стас поморщился: «стасиками» в его детстве называли тараканов, а он Стас, в крайнем случае Станислав.

Как же хотелось ответить резко и сразу расставить всё по своим местам. Но у Ирэны сразу станет перевёрнутое лицо и в глазах поселится паника — этого он допустить никак не мог.

— С приездом! Добро пожаловать!

— Тапки! — то ли попросил, то ли приказал Альберт Егорович.

— И правда, Стасик, выдай нам тапочки! Боже, какая у вас грязь. Я себе такого никогда не позволяю. Неужели тебе это нравится? — без остановки щебетала тёща.

Стас покосился на жену. Та стояла с отстранённым лицом. Делит в уме двести пятьдесят восемь миллионов на сто двадцать три, — понимающе усмехнулся Стас.

— У нас сегодня ночью был апокалипсис. — Он благородно взял удар на себя. — Собаки разнесли квартиру. Сегодня не успеем, но до конца недели всё устраним.

— Собаки, ах, Боже мой, не понимаю! Бардак, грязь, шерсть, микробы всякие. Ирина и так ни с чем не справляется, ни с домом, ни со своим весом, а вы ещё за чем-то зверинец развели. Вот скажи мне, насколько Ирина поправилась за полгода?

— Уважаемая Галина Матвеевна, согласитесь, это не ваше дело. Это же наш дом и наша жизнь.

— Но, Стасик, у тебя же есть глаза! Ты же видишь, сколько на улице хороших, стройных девочек, а дома у тебя такая туша!

Стас открыл было рот, чтобы достойно отбить удар, но...

— Бабуль, — слышался из прихожей голос Алёнки. — Мы же не требуем, чтобы вы соответствовали нашим ожиданиям, вот и мы не обязаны соответствовать вашим.

Лицо Альберта Егоровича начало наливаться помидорным цветом, глаза Галины Матвеевны раскрылись, насколько позволяли филеры. Взгляд Стаса задержался на фигуре жены — Ирэна уткнулась лицом в угол, плечи трясутся. Нет, не плачет, а... хохочет? Он развернулся в сторону дочери и фыркнул от неожиданности.

Алёнка стояла на пороге с победоносным видом: синие

волосы начёсаны ирокезом, макияж в стиле «индейцы племени мумба-юмба на тропе войны», рваные до изумления джинсы и татушки на всех видимых местах. И когда только успела?!

— Мам, — проигнорировала общественную реакцию Алёна, — у тебя телефон надрывается.

— Чёрт, поставила на беззвучный и забыла. Да, Марина! Звонила заклятая подруга-конкурент. Вот уж кто понравился бы матушке, такая же... законсервированная.

— Ирэночка, пампушечка моя. — Ирэна скривилась. — У меня завтра прямой эфир про ивенты. Приходи, пожалуйста, поддержи меня. Расскажем про наши проекты, то да сё, заодно порекламируемся.

Ох, бойтесь данайцев, дары приносящих. Кто-кто, а Марина в душевных порывах замечена не была. С другой стороны, плохого пиара не бывает.

— Ириска, что ей опять надо?

— Да вот, зовёт на прямой эфир завтра. Как думаешь, что мне лучше надеть?

Ирэна переговаривалась со Стасом и думала, что находится в фильме абсурда: вот надувается негодованием отчим и вытягивается в звенящую струну матушка. Сейчас начнётся! Сейчас-сейчас...

— Ирина, ты больна? У тебя температура или ты сошла с ума? Посмотри, на кого похожа твоя дочь?! На... на тюремщицу! Боже, мне плохо! Она же вся в татуировках! О чём ты думаешь?! Какой прямой эфир?!

— Бабуль, я же не рассуждаю, на кого похожа ты. Эти твои рюшечки в стразах. Звёздный час дурного вкуса!

— Да как ты смеешь?! Ирина, это ты её научила?! Куда ты смотрела? А ты сама — прямой эфир, серьёзно? Ты хоть знаешь, что экран прибавляет семь килограммов? Боже мой, ещё семь!

— Бабуль, а ты за килограммами вообще ничего не видишь? Ничего, что у мамы большое доброе сердце?! И фантазия, как у братьев Гримм и Шарля Перро, вместе взятых. И её зовут Ирэна, неужели так трудно запомнить?

Бабушка и внучка стояли друг напротив друга и шипели, как рассерженные кошки. Короткая стильная стрижка Галины Матвеевны встала дыбом и начала подозрительно смахивать на алёнин ирокез.

И тут вступил Альберт.

— Галя, мы уезжаем!

— Как уезжаем, куда?

— В гостиницу! — рявкнул Альбер Егорович и вопросительно посмотрел на Ирэну. Он, очевидно, ждал, что она падёт ниц и начнёт упрашивать, умолять их остаться.

— «И ведь она начнёт», — сообразил Стас. Мазохизм жены находился вне его понимания, но каждый раз, когда он заговаривал с Ирэной о её нездоровых отношениях с родителями, она плакала и говорила: «Ты не понимаешь!»

И правда, он не понимал, но либо сейчас, либо никогда.

— Альберт Егорович, вы правы, — обратился он к тестю. — Вам лучше уехать в гостиницу. Я не позволю больше ни вам, ни Галине Матвеевне обижать мою жену и дочь! Повторяю, это наш дом и наша жизнь! Вам помочь с чемоданом?

В гробовом молчании они спустились на лифте. Ирэна было рванула следом, но Алёнка вцепилась в неё мёртвой хваткой.

Погрузив чемодан в такси, Стас молча смотрел на удаляющуюся машину, ощущая себя рыцарем, победившим драконов ради Прекрасной Дамы.

ГЛАВА 4

— Ну и рожа у тебя, Володя! Ох и рожа... Смотреть страшно*, — мрачно поприветствовала Ирэна своё зеркальное отражение.

Вчера после драматичного отбытия родителей она застыла на диване каменным изваянием, только ручейки слёз бесконечно текли по щекам. Мысли метались от паники до восторга от поступка Стаса.

— Он защитил меня, защитил! Нет, он полез, куда не про-

сили... Нет, защитил!

Выходка Алёны её восхитила — та решилась на бунт, о котором сама Ирэна мечтала всю жизнь.

Она и сама знала, что это всё... неправильно, но не могла понять себя.

«Зачем я это терплю? Ладно бы родители нуждались в моей поддержке — так нет, они вполне здоровы, а сбережений Альберта с лихвой хватает на более чем безбедную жизнь. Что тогда?»

Всю свою жизнь Ирэна пыталась доказать им, что она чего-то стоит.

Это была такая жестокая игра.

Девочка приносила пятёрки — отчим говорил, что в школе очень среднее образование, и учиться на отлично может каждый кретин.

Ей доверяли роль в детском театре — отчим подчёркивал, что его время слишком дорого, чтобы тратить на самодеятельность.

Побеждала в чемпионате по танцам — отчим интересовался, не были ли остальные участники одноногими инвалидами. В ином случае он не понимает, чем руководствовалось жюри.

Ни разу за все школьные годы родители так и не пришли на выступления, в которых участвовала Ирэна. А она так ждала...

Единственным утешением для неё были книги — девочка читала запоем, всё глубже уходя во внутреннюю эмиграцию. Читала и ела... И ещё вела дневник. Конечно, тогда она не могла осознать причину эмоций, которые испытывала — просто выплёскивала, что чувствовала на страницах секретной тетрадки. Именно тогда маленькая Ирина начала придумывать альтернативную реальность, где она была принцессой, или феей, или сражалась с чудовищами. Тот старенький дневник стал первыми набросками к будущим сценариям.

В университет она поступила под давлением родителей на ненавистный юридический факультет. Ну, не было у неё тяги к юриспруденции! На первом курсе случился дурацкий первый брак — нет, Митя, первый муж, не был каким-то плохим человеком, просто Ирэне было невыносимо скучно. Она замуж-то вышла только для того, чтобы сбежать из родительского плена, всё равно куда. Единственная радость — что этот брак подарил ей Алёнку.

Родив дочь, она бросила университет и развелась с мужем, чем вызвала бурное негодование родителей.

Ирэна будто проснулась — глядя на лохматую головку дочери (Алёнка родилась кудрявая, с бакенбардами, как у Александра Сергеевича Пушкина, и длиннющими ногтями), она вдруг как-то очень ясно поняла, что этот маленький че-

ловек без неё не может жить, это ответственность на всю жизнь, и унылая, несчастная мать малышке точно не нужна.

Следующие годы были очень трудными — Ирэна работала, где только могла: писала бесконечные статьи в газеты и журналы, подрабатывала на местном телевидении, окончила курсы визажистов и моталась по заказам, наводя красоту невестам. Денег хронически не хватало. Случались дни, когда не было на еду и проезд...

Но всё постепенно наладилось.

Алёнка оказалась подарочным ребёнком: не капризничала, скандалы учиняла редко, быстро приспособилась к режиму матери. Помня своё одинокое детство — Галина Матвеевна много ездила по командировкам и, то и дело, подбрасывая дочь то подружкам, то на пятидневку, Ирэна везде таскала дочку с собой.

Даже поступив в Уфимский Институт Искусств, на режиссёрский факультет, она усаживала дочь в аудитории, на задней парте, где та мирно рисовала крокозябриков.

Альбер Егорович категорически не одобрил выбор падчерицы — он был возмущён, он негодовал. Галина Матвеевна вторила ему в унисон. Родители заняли позицию наблюдателей, регулярно сообщая Ирэне, как она не права и как горько будет раскаиваться за бесцельно прожитые годы. Кстати, тогда она ещё была Ириной.

Имя своё она люто ненавидела — сказывались бесконечные окрики и одёргивания в детстве: Ирина! Ирина! ИРИНА! Иди туда, делай так, стой прямо, сделай нормальное лицо. И коронное: «Боже, какая ты толстая!»

Ну, толстая, и что теперь — застрелиться?!

К слову, вес никогда не мешал Ирэне ни учиться, ни работать, ни даже танцевать. Она носилась, как воздушный шарик, наполненный гелием.

Лет в двадцать пять, в её окружении появился парень, подсказавший поменять имя.

— Зачем таскать на себе груз, когда он так давит? Поменяй имя, и дело с концом.

Кто знает, возможно, это был ангел? Во всяком случае, вскоре он бесследно исчез.

Совет оказался очень кстати: поменяв всего одну букву, она вдруг почувствовала себя другим человеком.

Из закомплексованной, зажатой, загнанной Ирины родилась рыжеволосая валькирия Ирэна. Новое имя дало прилив сил, и она, наконец, осуществила свою мечту — сбежала из ненавистной Уфы в Санкт-Петербург с Алёнкой под мышкой.

Дальше было море требований, обвинений и манипуляций.

Альберт с неудовольствием обнаружил, что толстая сладкая муха выпуталась из его паучьих сетей.

Галина Матвеевна убеждала дочь вернуться, понимая, что если у мужа не будет жертвы, то отдуваться придётся самой. Мать даже использовала тяжёлую артиллерию — прикинулась тяжело и продолжительно больной.

Но, оказавшись за две тысячи километров от своих мучителей, Ирэна собралась с силами и сумела отстоять свою свободу.

Вот только до сих пор родители почему-то действуют как удав на кролика. Как опытные кукловоды, они дёргают за ниточки, заставляя её комплексы принимать самые причудливые формы.

* * *

Приклеив патчи под заплывшие от слёз глаза, Ирэна отправилась инспектировать гардероб — шутики шутками, а роскошь пятьдесят четвёртого размера и пятый номер груди надо как-то маскировать.

Стас застал жену в спальне среди разбросанных вещей. Пышная фигура, от груди и до самых колен, была упакована в немыслимую грацию.

— Мать моя, что это на тебе?

— Ой, Стас, ты меня напугал. Это утяжка, смотри, напи-

сано: «безупречная талия и идеальная линия бёдер».

— И кто же презентовал тебе сию красоту, пугливая ты моя?

Ирэна насупилась.

— Ясно, опять тёща наследила. Я тебе сколько раз говорил, что ты прекрасна, тебе нечего стесняться!

— Ну, Ста-а-ас, тебе вот нравятся пышные девушки, но ты же такой один. А остальным не нравятся. Как я, такая... такая неформатная, в экран помещусь?! — заныла Ирэна.

Стас нежно взял жену за уши и притянул к себе: — Любимая, ты царица, богиня, рубенсовская женщина, ты Венера. И мне нравятся не какие-то абстрактные пышные девушки, а ты, именно ты. И я такой не один... к сожалению.

Ирэна покраснела и смущённо хихикнула. Каким-то удивительным чудом, на десятом году брака, прикосновения любимого мужа всё ещё обжигали и смущали её.

— Ну всё, убедил, убедил! Помоги мне лучше платье выбрать, а то все такие умные...

Совместными усилиями супруги остановились на платье цвета молодой травы, очень шедшее к рыжим кудрям Ирэны. Только «идеальную талию и безупречные бёдра» она снять наотрез отказалась.

Добравшись до бизнес-центра, Ирэна решила подняться на четвёртый этаж пешком. Однако уже на втором почувствовала, что задыхается, а к горлу подкатывает тошнота — «идеальная талия» впилась в тело как клещи и не давала дышать.

Медленно преодолев оставшиеся ступеньки и кое-как успокоив дыхание, она вступила в офис.

— Ба, это кто же к нам пожаловал? Никак Матушка-Царица прибыла.

— Привет, Артур! Ты какими судьбами?

— Здрассьте, я, вообще-то, у тебя работаю, не в курсе? У вас здесь такое творится, а я не при делах.

— Что творится?

— Да в смысле?! — воскликнул Артур, хлопая себя по пухлым бёдрам в дорогих джинсах.

Вот уж кто без комплексов — наш весёлый, звонкий мяч.

— Марк, Лиза, вы поглядите на неё — весь город гудит, что она будет делать глобальное шоу в Инженерном замке, а ведущему не сообщили. И правда, зачем?

Ирэна рассмеялась и махнула на него рукой: — Вот откуда ты всё узнаешь? Мы только взяли заказ, толком не начинали.

— Я тебе больше скажу, Царица, я знаю, как Алёнка вчера уела твоих стариков-разбойников. — Артур был знаком с родителями Ирэны, но не реагировал ни на брови, ни на интонации, чем доводил их до нервного тика.

— Ах, вот откуда дровишки! А мы-то со Стасом голову сломали, где она так, э-э-э... преобразилась. Татушки были очень... убедительны. И ведь молчит, как партизан на допросе. Теперь всё ясно.

— Не благодари!

— Ладно, ребята, у меня сегодня образовался прямой эфир, поэтому давайте обсудим, и я помчу. У нас есть: Инженерный замок с открытой датой, аукцион, на котором хрен знает, что продавать, и Вениамин с привидениями. Что, Марк?

Марк простёр длинную, тонкую длань, обтянутую чем-то чёрно-блестящим, и скрутил из пальцев немыслимую фигуру.

— Вот что мне показали в Михайловском замке на запрос о размещении декораций. Низ-зя! На стены вешать ничего нельзя, на полу укреплять тоже.

— Ожидаемо! А у тебя как, Лиза?

— Да примерно так же! Каминьки нельзя ни в каком виде, и даже служба пожарной безопасности Константиновского дворца на них впечатления не произвела.

Команда захихикала — все знали, что главный безопасник Константиновского неровно дышит к Лизе после того, как она уложила его на татами.

— Сонечка, хоть ты меня порадуешь.

— Сегодня чудесный день!

— Да, день чудесный. И это всё?

— Не всё. — Соня потупилась: она не любила сообщать неприятную информацию. — Нет, с симфоническим оркестром всё хорошо, я с ними договорилась. А вот с медиумами немножко хуже. Они говорят, если мы хотим вызвать духов, то надо проводить аукцион в ночь на Ивана Купалу, с шестого на седьмое июля. Есть ещё Хэллоуин, но это долго и праздник не наш — отечественные привидения могут не прийти. И мне сказали, что духи не переносят электричества, только свечи.

— М-да... сегодня тридцать первое мая, то есть на всё про всё у нас чуть больше месяца. Даже не знаю...

— А отказаться нельзя? — поинтересовался Марк фирменным замогильным голосом.

— Мрак, ты как себе это представляешь, отказать Вениамину Бориславовичу? — перешла в наступление Лиза. — Ей-богу, духов уговорить проще.

— Лиза права. Вениамин упрямый, как чёрт — если что-то задумал, то переубедить невозможно. Но дело даже не в этом — он заключил с кем-то пари, что мы подманим привидений и гости это увидят. Если не получится — он мне этого не простит и закроет агентство. Как-то так.

Ирэна всхлипнула и собралась было задумчиво потерять глаз, но вовремя вспомнила про нарядный, «прямоэфирный» макияж.

— Ребята, надо что-то думать! Можно сделать парящие

декорации, но понадобятся магнитные подушки, без электричества никак. Свечи на батарейках, суть то же электричество. Давайте так: вы прописывайте антураж и считайте смету, а я завтра сметаюсь в Инженерный замок и выпытаю там у кого-нибудь про привидения и как их примирить с современными реалиями.

Команда расплзлась по своим местам и притихла за мониторами. Только из угла Марка доносилось бурчание, что он не Мрак, а Марк, а буквы в словах путают исключительно малограмотные спортсмены.

* * *

Камеры ослепили глаза. Ирэна старалась сесть так, чтобы казаться меньше, но «безупречные бёдра» окончательно распоясались, некрасиво разделив живот пополам.

В кресле напротив Марина: ни грамма жира, белоснежная улыбка, золотистые волосы в безупречной укладке, струящаяся ткань комбинезона, руки элегантно сложены на коленях — дива, да и только!

— Дорогие зрители! — Марина сложила пальцы «домиком». — Сегодня говорим об организации праздников. Дело это крайне непростое, многозадачность здесь предстаёт во всём объёме, — многозначительно обвела пальчиком фигуру Ирэны.

При слове «объём» Ирэна дёрнулась.

— «Вот, Марина, зараза! Позвала, чтобы унижить. И зачем ей это?»

— Организаторы в день мероприятия подвергаются колоссальным нагрузкам. У нас на шагомерах набегает до пятидесяти тысяч шагов. Чтобы вынести такой стресс, надо иметь здоровое, тренированное тело. Не так ли, Ирэна?

Ирэна промямлила, что у неё, вместо тренировки, работа.

— Работа не оправдание, — вкрадчиво продолжила Марина. — Вот я, например, каждый день начинаю с физической нагрузки — встаю в семь утра, умываюсь и в зал. Это даёт энергию. А ты как поддерживаешь форму?

Ирэна представила, как глупо будет выглядеть, если поведётся на провокацию и начнёт рассуждать о тренировках и диетах.

— Марина, я тобой восхищаюсь! Такая сила воли вызывает уважение. А я вот с восьми утра сижу за компьютером с кофе и круассаном и накидываю текущие задачи моей команде. Кстати, у меня работают исключительно профессиональные люди.

— О, это важно! — Марина вежливо похлопала (как в учебнике: три хлопка, медленно, чтобы продемонстрировать кольцо от нашего спонсора и бла-бла-бла). — Но ведь и себя нельзя забывать! Особенно после тридцати пяти. Обмен ве-

ществ замедляется, фигура требует гиперконтроля, от круасанов сто́ит отказаться. Хочешь, дам телефон моего диетолога, это гений!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.